

15 июля Центральное телевидение показало по первой программе передачу «Диалоги о поэзии» с участием Андрея Вознесенского. Почитатели его таланта, конечно, многого ожидали от полутора часов общения с поэтом: новых стихов, откровенной беседы, волнующих вопросов.

Новых стихов не было (хотя фрагменты прежних авторских вечеров, чтение знакомых и, может быть, лучших произведений публицистической лирики поэта стали украшением передачи). Однако повод поговорить встреча с Вознесенским, безусловно, дала. Поговорить о жанре этой передачи.

Есть такой прием телевысказывания, — прием давший, но вполне возмож-

СТИХИ И БЕГЛОСТЬ ВЗГЛЯДА

ный во многих случаях, назовем его «УИ». А расшифруем — в зависимости от нужной точки зрения — двояко. Если нас интересует суть приема, «УИ» прочитается как «универсальное интервью». Если его внешнее обличье — «уличное интервью».

...Комсомольская площадь столицы; ее часто называют «площадью трех вокзалов». Суетливо движется людской поток, мелькают в толпе и в кадре лица. Настоячиво кружит наблюдающий взгляд телекамеры на привокзальном «пятачке», а то и прямо на перрон, к поезду выходит. Это — чтобы не было сомнений, что «опрашиваемые» — отнюдь не только москвичи, а и приезжие из разных уголков страны. Звучат вопросы, но их всего два-три: «Любите ли вы поэзию?», «Кого из современных поэтов предпочитаете?», «Как относитесь к творчеству Вознесенского?».

Ответы? Тут властвует безжалостный принцип: каков вопрос — таков ответ. Представьте, читатель, себя на месте этого застигнутого врасплох командированного или, например, встречающего на перроне своих близких. Если вы равнодушны к поэзии, вопрос прозвучит

для вас примерно так: «Любите ли вы своего соседа по квартире?» Если острый, парадоксальный художественный мир Вознесенского — реальная часть вашей душевной жизни, то вопрос о нем в привокзальной суете будет для вас равноценен такому: «Скажите всем, кого вы любите больше всего на свете?» И тот, и другой вариант, бестактен по существу.

Потому-то телезритель, сидя в уютном кресле и внимая всему, что идет с экрана, начинает ощущать вначале некое неудобство, а потом и откровенную неловкость. «Люблю Вознесенского потому, что он тоже архитектор». «Что ж, лирика у него неплохая». И тому подобное... Похоже, что создатели передачи придали «своим перстам послушную, сухую беглость» пушкинского Сальери: беглость взгляда, необязательность, мимолетность душевного участия, пустым, банальным приемом «музыку умертвив». Возведя поэта на лобное место...

Вот оно, истинное лобное место поэта. Он взмошел на него, чтобы всего себя, огонь поэтического слова, отдать людям. В кадре — Андрей Вознесенский.

Он читает свое драгоценное: «Прощание с Политехническим», «Возложите на море венки», «Смерть Шукшина», «Есть русская интеллигенция...». Он говорит о поэзии прозы, о поисках стиля, о совершенстве художника-человека, о высоком товариществе поэтов. О чтении собственных стихов, повторяющем процесс творчества.

В последнее время Центральное телевидение много сделало для того, чтобы поэзия, слово поэта нашли место в программах вещания: встречи с писателями в Концертной студии Останкино, сам факт появления такой передачи, как «Диалоги о поэзии» — все это отрадно и дорого для многомиллионной аудитории, любящей книгу, стихи. Но поэзия — «огонь в одежде слова» — требует бережного, вдумчивого, и даже так — вдохновенного отношения к себе. Поспешность, шаблонность, минимальность душевного соучастия, наверное, ей противопоказаны. Будем надеяться, что их-то как раз удастся избежать в дальнейших уже в следующих передачах Центрального телевидения.

Л. КРЫЛОВА.